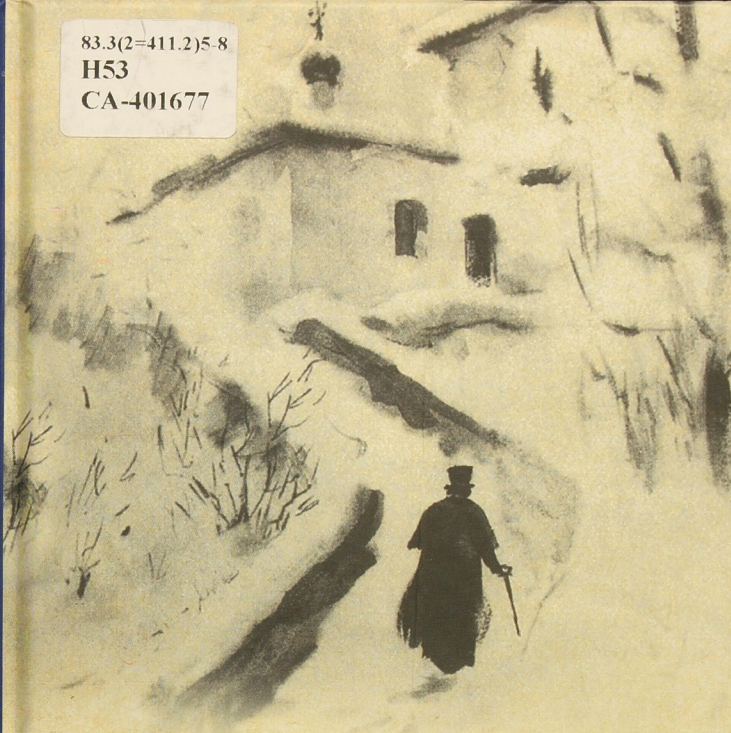

83.3(2=411.2)5-8

Н53

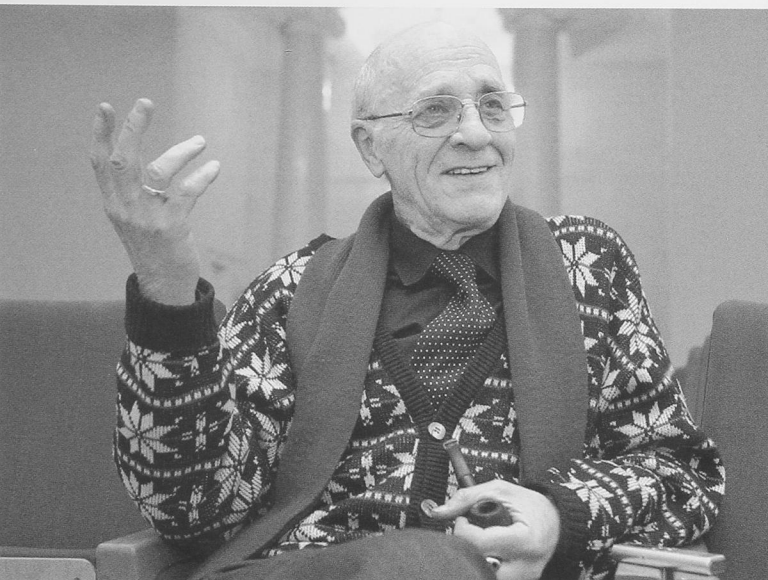
СА-401677

В.С. НЕПОМНЯЩИЙ

УДЕРЖИВАЮЩИЙ ТЕПЕРЬ

ПУШКИН В СУДЬБЕ РОССИИ

Blas

В. С. НЕПОМНЯЩИЙ

УДЕРЖИВАЮЩИЙ ТЕПЕРЬ

ПУШКИН В СУДЬБЕ РОССИИ

Избранные работы и выступления

МОСКВА * 2022

Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

СД-40-1674

СОДЕРЖАНИЕ

О. Н. СКЛЯРОВ. ФЕНОМЕН НЕПОМНЯЩЕГО	3
ОТ РЕДАКЦИИ	15
Предполагаем жить (1990)	17
Центральное явление нашей культуры (1995)	31
Пушкин и судьба России (1996)	38
Двадцать строк (1965)	50
Слово о благих намерениях (1994)	81
Христианство Пушкина: проблема и легенды (1996)	92
Введение в художественный мир Пушкина (1994)	122
«Пророк» (1986)	160
Под небом голубым (1989, 1999)	198
«Несколько новых русских сказок» (1991, 1999)	320
Книга, обращенная к нам (1999)	360
Да ведают потомки православных (1990)	409
Поэт и толпа (1993)	422
С веселым призраком свободы (1993)	456
Как труп в пустыне (1990)	486
Удерживающий теперь (1992, 1996)	501
Феномен Пушкина в свете очевидностей (1998)	557
Слово о Пушкине (1999)	605
Служение Церкви в современном мире и судьба светской культуры (1998)	616
Между корыстью и совестью. Интервью (2003)	629

О.Н. Складов,

д. фил. н., проф. кафедры славянской филологии ПСТГУ

ФЕНОМЕН НЕПОМНЯЩЕГО

Говорить сегодня о Валентине Семеновиче Непомнящем – значит говорить о личности, культурно-историческое значение и масштаб которой не только не исчерпываются научными достижениями, послужным списком, перечнем публикаций и т. п., но и в принципе не поддаются измерению в этих величинах.

В своих работах он часто пользовался понятием «феномен Пушкина», имея в виду целостное единство личности, судьбы и творчества поэта, взятое как конкретное, неповторимое, исключительное явление в русской истории*. По аналогии с этим мне представляется уместным говорить о «феномене Непомнящего» – не только в пушкинистике, но и в целом в отечественной гуманитарной культуре последней трети XX века, когда в стране происходило то, что потом стали называть «церковным возрождением», и одновременно совершался трудный, болезненный переход к постсоветской парадигме мышления.

Филолог-классик по образованию, доктор наук, многолетний председатель Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН, автор нескольких книг и множества статей, блестящий лектор, человек

* См., например, работы: «Удерживающий теперь. Феномен Пушкина и исторический жребий России» (Наст. изд. С. 503–558), «Феномен Пушкина в свете очевидностей» (Наст. изд. С. 559–606) и др.

ПУШКИН И СУДЬБА РОССИИ

Недавно мы с моим коллегой Михаилом Филиным составили большую книгу. Называется она «Дар»*. Подзаголовок – «Русские священники о Пушкине». В этой книге собраны наиболее характерные речи, слова, проповеди, беседы, статьи и отчасти даже исследования творчества Пушкина, его судьбы, его пути, личности, созданные православными священниками начиная с 1880-х годов до нашего времени (упоминаемая в этом устном выступлении книга вышла в 1999 году; фрагмент послесловия к ней см. ниже, «Христианство Пушкина: проблема и легенды». – В. Н.). В ней есть, в частности, составленный М. Филиным раздел, где собраны письменные свидетельства (воспоминания, письма, документы и пр.) прижизненных отношений Пушкина с Церковью и Церкви с Пушкиным. Отношений сложных, потому что до конца жизни за ним тянулась репутация как минимум религиозного вольнодумца, а то и атеиста. Он был человек закрытый, ни в своих письмах, ни в произведениях не декларировал свое миро-

* Дар. Русские священники о Пушкине. Составление, подготовка текстов и комментарии М.Д. Филина и В.С. Непомнящего. Послесловие В.С. Непомнящего. М.: «Русский мир»; «Вече», 1999.

воззрение. Оно выражалось у него только художественно. И это ему в глазах некоторых православных людей очень вредило. Они не понимали, как это можно веровать и не очень часто произносить слова Бог, Господь, Христос, Спаситель.

Да и сейчас многие верующие люди не могут разобратся, какое же отношение эта гигантская фигура имеет к нашему российскому вероисповеданию. Одно дело – Хомяков, религиозный поэт в полном смысле слова. Или Державин, его оды «Бог», «Христос». Все понятно, все излагается в словах. А Пушкин ничего такого не говорит, но все равно он – центральная фигура в русской культуре. И без него представить себе Россию нельзя. Вот и приходится разывать Пушкина: вообще-то он человек, конечно, был так себе, но зато поэт – гениальный. Или: писал замечательно, но – неправильно... Часто вопрос о Пушкине как поэте православного народа ограничивается выяснениями, насколько веровал или не веровал Александр Сергеевич – выяснениями по цитатам... Однако в той же самой среде, в недрах православной церковной мысли со временем возник и развивается другой взгляд. Становится понятно, что как-то не так надо к Пушкину подходить, не надо делить это явление на составные части, на цитаты. А надо понять его целиком. «Пушкин – это наше все», – сказал Аполлон Григорьев. Это не значит, что в Пушкине все навалено, что в нас есть. Это значит, что он сосредоточивает в себе все главные черты нашего духовного строя как целого. Целое – это не сумма: это есть контекст, что по-латыни означает связность. Пушкин – «наше все» в том смысле, что в нем Россия выражается не в отдельных ярких чертах, а как связное целое.

Не случайно многие русские эмигранты, в том числе батюшки и владыки, именно в изгнании поняли феномен Пушкина. Потому что они не могли обойтись без России. Я умышленно говорю не «творчество Пушкина», а «феномен», то есть Пушкин как явление. Творчество Пушкина – это его деятельность, а явление Пушкина – это уже дело Божие, ведь не он сам себя создал, не он себя подарил России.

ДВАДЦАТЬ СТРОК*

31 августа 1836 года Александр Карамзин писал в Швейцарию брату Андрею письмо, в котором сообщал о своем здоровье и, по обыкновению, делился новостями жизни петербургского света. Рассказывая о праздновании своих именин, он между прочим заметил: «Обедали у нас Мещерский и Аркадий (А. Россет. – В. Н.). После обеда явились Мухановы... Старший накануне видел Пушкина, которого он нашел ужасно упавшим духом... вздыхающим по потерянной фавории публики. Пушкин показал ему только что написанное им стихотворение, в котором он жалуется на неблагодарную и ветреную публику и напоминает свои заслуги перед нею...»

Принято считать, что речь идет о стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», по традиции называемом нами просто «Памятник». Если это в самом деле так, то переданное Карамзиным истолкование не

* Настоящая работа – одна из самых ранних. Открывала первое издание книги «Поэзия и судьба» (в последующие не входила) и здесь печатается в таком же, как тогда, виде (несколько сокращенном в сравнении с журнальной публикацией в «Вопросах литературы», 1965, № 4). – Прим изд. 2001 г.

может не показаться странным. Автор «Памятника» предстает перед читателями в непривлекательном, жалко-меркантильном свете: вздыхая, жалуясь на неблагодарную публику, напоминая «свои заслуги перед ней», он как бы выторговывает у нее право на потерянную «фаворию». В лучшем случае это истолкование показывает, как мало понимали Пушкина его современники. Любой средний школьник, проходящий литературу по учебнику С. Флоринского, может объяснить, что Пушкин никому не жалуется и ничего не «напоминает публике»; раскрыв учебник, этот школьник прочтет: «В IV строфе содержится *основная мысль* всего стихотворения – оценка Пушкиным идейного смысла своего творчества. Пушкин утверждает, что право на признание и любовь народа он заслужил, во-первых, высокой человечностью своего творчества («чувства добрые я лирой пробуждал»); во-вторых, своей борьбой за свободу («в мой жестокий век восславил я свободу», а в варианте этой строки он назвал себя последователем революционера Радищева: «вслед Радищеву восславил я свободу»); в-третьих, защитой декабристов («и милость к падшим призывал»).

Итак, это и есть основная мысль всего стихотворения «Памятнику». Согласно такой канонической трактовке, Пушкин вовсе не напоминает свои «заслуги» «публике», отнюдь. Он напоминает свои заслуги народу. Он не «жалуется» – он заявляет и обосновывает свои претензии, но не «публике», а народу. Он торгуется – но не с «публикой», а с народом. Подобно Скупому рыцарю, он копил «заслуги», а за пять месяцев до смерти предъявил «задолжавшему» народу счет на бессмертие.

Замена «фавории» «народной любовью», а «заслуг» – «оценкой идейного смысла своего творчества» мало что меняет.

О «Памятнике» существует целая литература. На рубеже нашего века начался спор об этом стихотворении – в нем приняли участие видные ученые и писатели: Вл. Соловьев, С. Венгеров, М. Гершензон, П. Сакулин, В. Вересаев, И. Фейнберг и др.; о «Памятнике» написано большое исследование М. Алексеева. Прodelана огромная работа.

ХРИСТИАНСТВО ПУШКИНА: ПРОБЛЕМА И ЛЕГЕНДЫ

1. Проблема

Конец эпохи государственного атеизма в России, прекращение открытых гонений на православную веру и Церковь, идеологического контроля государства над культурой, провозглашение свободы слова и свободы совести — все это высвободило самые разнообразные, разнонаправленные и разнокачественные силы, порой чрезвычайно опасные; в частности, крайне обострилась постановка той проблемы общественного и культурного сознания, которая издавна обозначается как «искусство и религия». В послесловии к упоминавшейся выше — в выступлении «Пушкин и судьба России» — книге* я попытался показать, что искусство как таковое и христианская религия как таковая не находятся ни в противоборствующих, ни в состязательных отношениях: такая постановка проблемы — факт нашего сознания, а не самой действительности. Никакой род деятельности сам по себе не может ни «противостоять» религии, ни «состязаться» с ней: вера — это не «деятельность», не профессия, вера — это

* См. примеч. на с. 38.

жизнь и поведение. Вопрос не в том, дурно или хорошо — владеть пером, кистью или смычком, дурны ли спички или топор сами по себе; вопрос в том, в чьих руках все это находится и для чего используется. С верой может состязаться, вере может противостоять только другая вера: будь то вера в «богов иных», в науку или в искусство.

Между тем в последние годы в рассуждениях как позитивистов, так и верующих отношения искусства «вообще» и религии «вообще» приобретают вид именно неразрешимого конфликта, доходящего до взаимоотрицания. Это сказывается — иногда прямо, иногда сложно и опосредованно — в некоторых работах и спорах о Пушкине.

Порой возрождаются самые примитивные и начетнические представления и методы — вплоть до прямой «сверки» образной системы пушкинских произведений со Священным Писанием и догматическими положениями, в результате чего многим произведениям Пушкина, и не только его, грозит — в практике некоторых школ и преподавателей — чуть ли не отлучение от курса литературы. Вообще, то там, то здесь культивируется своего рода «православный снобизм» в отношении к светской культуре; в ходу бывает кичливое пренебрежение к специфике художественного мышления, когда простая некомпетентность и эстетическая глухота рядятся в одежды христианского правоверия. С другой стороны, если советская наука делала из Пушкина закоренелого атеиста (впрочем, некоторые православные и сегодня продолжают эту традицию), то теперь новую и активную жизнь получают старые легенды, искажающие подлинный облик поэта, создающие приторно-благочестивый портрет, жизнь из которого ушла. Самое прискорбное, что при этом порой не гнушаются никакими средствами — лишь бы достигнуть цели.

Недавно в одной лавке я увидел книгу духовных стихов русских поэтов, составленную неким духовным лицом. Туда вошло и знаменитое стихотворение Пушкина «Странник» — одно из поздних произведений поэта, исполненное глубокого религиозного смысла. Но вошло оно в «исправленном» составителем виде. У Пушкина:

ВВЕДЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПУШКИНА

Лекция учителю и ученику

О Пушкине известно так много, как, может быть, ни о ком из великих писателей и мало о ком из великих людей вообще. Но остается прав Достоевский: «Пушкин... бесспорно, унес с собою в гроб некоторую великую тайну». Причина не в том, что, наряду с нашим знанием о Пушкине, остается множество пробелов, загадок и секретов. Разгаданная загадка, раскрытый секрет исчезают как таковые; тайна остается тайной даже тогда, когда мы созерцаем ее лицом к лицу. Тайна — это не количество, а качество, не сумма и сложность, а целостность и простота.

В тайну невозможно *проникнуть*, ею можно только *проникнуться*, и это уже проблема не ученая, а духовная. В сущности, любая простая истина заключает в себе тайну.

Тайна Пушкина проявляется, в частности, в том, что в нем необыкновенно много очевидного и простого — тако-го, что культурный наблюдатель улавливает, что называется, невооруженным глазом.

Очевидны не только уникальная высота закрепленного за Пушкиным в культуре царственного ранга, не только известные «заслуги» его: создатель русского литературного языка, родоначальник всех жанров отечественной литера-

туры двух последних веков, оказавший решающее влияние на все области искусства, философской и общественной мысли России, писатель-пророк, центральная фигура русской культуры и т.д. и т.п.; очевидны и сами качества его гения. Настолько очевидны, что определения их звучат сами по себе общо и абстрактно:

- простота, совершенство, красота;
- сила, масштабность, глубина;
- точность, ясность, лаконизм;
- широта, неисчерпаемость, многозначность;
- сердечность, проникновенность, человечность;
- объективность, универсальность, мудрость... и т.д.

По отдельности и в разных сочетаниях эти качества свойственны многим произведениям и многим художникам; но, соединяя их, перечисляя все эти «абстракции», мы тем самым словно набрасываем силуэт, в котором можно угадать только Пушкина и никого другого.

Для каждого великого художника можно подыскать одно или несколько определений, дающих представление о своеобразии его индивидуальности, ее оригинальных чертах; «индивидуальность» Пушкина представляется неуловимой, об «оригинальности» говорить неуместно. Зато нельзя не вспомнить, для аналогии, знаменитых слов Ломоносова о русском языке, чудесно сочетающем «великолепие Ишпанского, живость Французского, крепость Немецкого, нежность Италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость Греческого и Латинского языка». Пушкину бывает свойственна и могучая непосредственность Гомера, и головокружительная глубина, многообразие и темперамент Шекспира, и интеллектуальная мощь и спокойная мудрость Гете, и провидческая дерзость, мистическая напряженность, грандиозность архитектурных построений Данте, и музыкальное изящество Петрарки, и всепроникающий взгляд Достоевского в бездны человеческой души, и лукавая простота русской сказки, задушевность русской песни, и многое иное, в том числе свойственное как динамическому Западу, так и созерцательному Востоку.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**